

А.С. Новиков^{*}

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ МАСС

В последнее время в социальных науках мы наблюдаем возрастание интереса к массе. Исследователи снова начинают обсуждать этот феномен социальной жизни, обращаются к анализу его происхождения, структуры и функций, которые массы выполняют в социальном контексте. Тем не менее, содержательно эти обсуждения зафиксированы ровно на том же уровне, на котором наука о массах находилась в начале XX века.

В реальности любое обсуждение массы сводится к повторным интерпретациям и анализу феномена. Большая часть новых подходов к феномену массовизации на деле оказывается всего лишь новой интерпретацией уже существующих. Например, механизм эмоционального заражения, который является основой образования больших стихийных социальных групп (толп или масс), можно рассматривать как подражание,

^{*} © А.С. Новиков, Красноярский государственный университет, 2006.

гипнотическое воздействие или следование некоторым инстинктивным формам поведения — сам результат от этого не меняется.

Здесь нужно различить две вещи: открытие нового знания о массе и повторный анализ уже существующих понятий, схем и концептов. Путь, которым в настоящее время развивается наука о массах, — это не теоретическое совершенствование и повышение эвристической силы моделей, а реинтерпретация классических подходов (см., например [1, 2, 3]). Естественно, такое положение дел может быть названо кризисным. Но эта квалификация является ошибочной.

В самом деле, кризис состоит не в том, что исследователи явления делают всё новые и новые попытки обратиться к уже известным теориям, а в том, что до сих пор не произошло методологической ревизии, пересмотра тех самых положений. В этом смысле теория масс оказывается в весьма и весьма странном положении. Новые инструменты используются старыми способами. За применением новых теорий массового стоит всё та же методология, основы которой были разработаны на рубеже XIX–XX веков ЛеБоном, Тардом и целым рядом других исследователей.

Соответственно, никакого декларируемого исследователями «нового подхода» к массе нет и быть не может. Исследователи остаются в рамках всё того же круга понятий и методологических схем, описанного на рубеже веков.

Новый подход к массе должен быть основан на иных допущениях, нежели классика исследований стихийных больших социальных групп и массовых движений. И, соответственно, исследователь, претендуя на минимальную степень новизны, должен подойти к феномену массы иначе, чем это принято в классической традиции.

Основания к изменению аксиоматики науки о массах действительно есть. Первое из них связано с оценкой роли массы в социальном контексте. Традиционная наука о массах противопоставляет массу сложившейся социальной системе. При этом любая массовидная группа выступает как «возмутитель спокойствия», нарушающий устоявшийся социальный порядок. Так, например, описывал массу С.Сигеле в своей работе «Преступная толпа».

Нужно сказать, что такая интерпретация изначально разделяет толпу, или массу, и «нормальное» общество. Если обратиться к тому, как масса возникает, выяснится, что она в своём развитии жёстко связана с социальными условиями. Иначе говоря, масса — это не разрушитель социальных норм, а определённая часть социума, хотя и специфическая в отношении внутренних закономерностей, но, тем не менее, выполняющая функции, в той же мере востребованные социальной структурой.

Масса вполне может быть гарантом порядка и социальной стабильности. Вспомним церковь — пример, столь часто приводимый Зигмундом Фрейдом в «Психологии масс и анализе человеческого Я». По всем признакам эта социальная организованность является массой, но, тем не менее, она не разрушает социальные нормы, а, напротив, всячески способствует их сохранению.

Всё это означает, что исходную точку классических рассуждений о массе следует, как минимум, подвергнуть сомнению. Толпы не только разрушают социальные нормы, и, по крайней мере, не это свойство характеризует их в социальном контексте.

Разрушение социальных норм подразумевает, что масса, в сущности, пассивный объект, реагирующий на социальную действительность. Традиционный механизм явления таков: когда достаточно большое число людей оказывается не удовлетворено тем, что происходит в социуме, на основе их общих переживаний образуется масса [6, 7]. Выходит, что существование больших стихийных социальных групп определяется преимущественно эмоциями. Но такой подход также оказывается половинчатым. Наличие сильных эмоциональных связей не исчерпывает всей полноты явления. Например, фактически без объяснения остаётся феномен институционализации масс и возникновение на их базе некоторых застывших социальных структур. А это явление не может быть выведено из ключевой роли эмоций.

Таким образом, в массе, помимо эмоций, может существовать некоторое представление о целесообразности тех или иных социальных изменений. И это значит, что эмоция представляет собой лишь внешнюю сторону процессов, происходящих в массе. Поведение массового человека связывается с эмоциями, но не исчерпывается ими.

Существенный вопрос заключается в следующем: что стоит за общими эмоциональными состояниями индивидов в толпе? Мы можем с уверенностью утверждать, что основой переживаемых массовыми индивидами эмоциональных состояний могут быть специфические потребности.

Массовый человек, по определению Ортеги-и-Гассета [4], подобен избалованному ребёнку. Если перевести эту фразу в операциональную плоскость, мы получим примерно следующее: индивид в толпе ориентирован на немедленное удовлетворение своих потребностей и крайне нетерпимо относится к любым ограничениям, мешающим ему получить желаемое.

Продолжая это рассуждение, мы приходим к следующему выводу: действие массового человека целесообразно как минимум с его собственной точки зрения. Но такое предположение означает для нас, что и сама масса не исключительно реагирующее сообщество. Наличие потребностей и поведения, направленного на их удовлетворение, свидетельствует о том, что масса есть субъект, демонстрирующий своеобразную активность.

Масса не пассивный объект в социальной структуре, претерпевающий внешние воздействия. И это — существенное противоречие классическим положениям науки о массах, к которому мы приходим, обсуждая базовые характеристики больших социальных групп.

Следующей точкой в нашем рассуждении становится новая картина социальной действительности, связанная с предположением о существовании активных толп. Получается, что понимание массовых движений исключительно как направляемых внешними воздействиями и манипулируемых не соответствует действительности.

Если массовый индивид имеет определённый реестр потребностей и если он выстраивает своё поведение в соответствии с ними, то ясно, что регулировать его поведение можно лишь в той мере, в какой его потребности явлены стороннему наблюдателю. Проще говоря, возможность управления массами напрямую связана с пониманием потребностей массовых индивидов.

Но попытка как-то влиять на поведение индивида, в свою очередь, приводит к появлению новых потребностей. Масса адаптируется к воздействию со стороны активного меньшинства, но в результате этого она изменяет собственные характеристики. В свою очередь, меньшинство ориентирует воздействия на изменённые потребности толпы [5].

Таким образом, мы получаем следующую картину социальной динамики: меньшинство, или элита, и масса находятся в динамическом равновесии. Всякое действие одной составляющей социальной системы воспринимается другой её частью, которая перестраивает собственную линию поведения.

Таким образом, в действительности мы имеем дело не с навязыванием идеологий массе, но с взаимным согласованием социального поведения массы и «элиты». Здесь стоит сказать, что сам термин «элита» употребляется нами скорее как дань классической традиции в противопоставлении массового и не-массового, но не для того, чтобы противопоставить образованную и культурную часть общества «тёмной» массе.

Отличием элиты от массы целесообразно считать не уровень культуры и не знания (хотя и здесь противоречия между частями социальной системы могут быть существенными), а потребности и социальные функции. Предназначением элит в социальном контексте является как раз производство программ социальных изменений, а функцией массы — их выполнение. При этом в своих социальных действиях эти общности вынуждены ориентироваться друг на друга.

Поведение элит ограничивает поведение масс. А массы пытаются построить своё взаимодействие с элитами так, чтобы ограничить их поведение и чтобы число требований, предъявляемых к каждому массовому индивиду, было минимальным. Это означает, что мы приходим к ещё одному понятию — понятию свободы.

Нужно отдельно подчеркнуть, что для анализа массового поведения это понятие имеет существенное значение. Причём свобода здесь должна интерпретироваться не как «осознанная необходимость», но как совершенно спонтанная форма поведения, связанная с пренебрежением ограничениями любого толка. Массовый человек свободен или, по крайней мере, ощущает себя таковым.

Любой социальный проект ограничивает его свободу, и совершенно естественно то, что массовый индивид стремится его преобразовать таким образом, чтобы он соответствовал его потребностям. По сути, любой социальный процесс при таком условии может быть рассмотрен как постановка и снятие взаимных ограничений различными частями социальной системы. И масса здесь вполне органично вписывается в структуру общества. Масса ограничивает приемлемость программ элиты, и делает это исходя из своих потребностей.

Мы приходим ещё к одному важному выводу. То сведение сложного к простому, которое мы регулярно наблюдаем в массе, есть следствие простоты и линейности мотивационно-потребностной сферы массовых индивидов.

Подведём итог. Первым принципиальным моментом, о котором стоит сказать в отношении науки о массах, является потребность в изменении методологии исследования больших стихийных социальных групп. А это изменение методологии имеет под собой, в первую очередь, изменение аксиоматики, пересмотр оснований исследования толп и масс.

Далее, с одной стороны, методологическая ревизия может быть связана с выделением потребностей как основных единиц, определяющих поведение массового индивида. С другой стороны, предположение о ведущей роли потребностей обращает нас к признанию активности массы как субъекта социальной жизни. В свою очередь, такое понимание массовидных групп приводит нас к несколько изменённому пониманию социальной структуры. Противопоставление большинства и меньшинства сохраняется, но в его основе лежит социальная функция организованности.

Естественно, что предлагаемая картина массовых явлений не претендует на полноту. Такая концепция массовизации общества требует серьёзной, детализированной проработки. Но ряд оснований, о которых идёт речь в данной работе, может быть использована в дальнейшем при построении новой теории массового.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аравина Т.И. Феномен толпы в исследовательских ракурсах социальной психологии / Т.И. Аравина // Психологический журнал. — Т. 20. №3. - 1999.
2. Грушин Б.А. Массовое сознание / Б.А. Грушин. — М.: Политиздат, 1987.

3. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология / Г.Г. Дилигенский. - М.: Наука, 1994.
4. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. - М., 1991.
5. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер. - М.: АСТ, 2003.
6. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я / З. Фрейд // Преступная толпа. – М.: Институт психологии РАН, КСП+, 1998.
7. Фрейд З. Тотем и табу / З. Фрейд. – М.: АСТ-ЛТД, 1997.